

Казачество в России имеет будущее только как союз низовой общинной территориальной самоорганизации духовно свободных людей. При этом неизбежны и полемика, и борьба взглядов. Но эта полемика не должна приводить к внутреннему расколу. Как бы ни горька была эта истина для некоторых казаков, но вне государства казачье движение существовать не сможет, и все попытки создать особый "казачий социум" невозможны далее хуторов или станиц.

Возрождение или вырождение?

Исторически казачество было одной из наиболее передовых частей русского народа. Казачество внесло огромный вклад в укрепление и развитие России, как сильной и могущественной державы. Так, Л.Н. Толстой писал, что "казаками построена Россия", и с этим трудно не согласиться. Заслуги казачества в деле создания России и защите ее интересов признаны всеми. За время своей многовековой истории казачество выработало свой особый жизненный уклад, свое мировоззрение и культурную самобытность. Казачеству, возможно как никакой другой части русского народа довелось испытать на себе губительные последствия разного рода социальных экспериментов, включая и "рассказывание", бывшее по сути своей геноцидом. Но, несмотря на все эти бедствия, казачество как особое этнокультурное образование продолжает существовать и поныне.

По современным оценкам казачество как особая этническая группа русского народа составляет около 3-4 миллиона граждан России. По итогам переписи населения 2002 года около 185 000 россиян даже свою национальность определили как "казаки". При этом, современное казачье движение представляет собой довольно грустное зрелище. Если и можно сейчас говорить о каком-либо "возрождении казачества", то это "возрождение" из состояния упадка и разброда, проявлявшегося все последнее пятнадцатилетие с момента возникновения широкого народного движения за возрождение казачества. В конце 2005 года Государственная Дума России, наконец, приняла многострадальный закон "О государственной службе российского казачества". Закон этот отлеживался в думе несколько лет и вот Дума, с представления Президента все-таки приняла его.

Основной целью закона является привлечение казачества к несению государственной службы, и, прежде всего, в военной и правоохранительной сферах. Но определение самого понятия "казачество", критерии причисления к нему определены слабо и расплывчато. Основной причиной нынешнего поворота властей к казачеству, является, по выражению полпреда президента в ЮФО Дмитрия Козака, "подобная подземному пожару" ситуация на Кавказе. "Возрождение казачества" — это та соломинка, за которую и пытается в этой ситуации ухватиться нынешняя власть.

Развитие казачьего движения за последние пятнадцать лет можно разделить на два периода. Сначала, в первой половине девяностых было массовое движение снизу, тогда широкие массы видели в казачьем движении значимую духовную и социальную основу, способную дать людям нравственные и ценностные ориентиры, призванные преодолеть духовную и социальную дезориентацию и способные стать альтернативой индивидуалистическому аморальному "постперестройки. Начавшийся в то время, стихийный процесс возрождения казачества, характеризовался массовым энтузиазмом и широкой поддержкой населения. Но стихийное казачье движение с самого начала было спонтанным и противоречивым явлением, никаких четких общепонятных идей и духовных ориентиров оно не имело и не выработало. Это движение ничего российскому обществу не дало, так как было замкнуто в себе.

Почти сразу же после возникновения широкого движения, началось превращение казачьих организаций в формальные, подконтрольные властям структуры, с неясными целями и задачами. В результате, начиная с середины девяностых годов авторитет казачества в обществе начал падать, нарастали процессы самозамкнутости казачьего движения, его клановости и формализации. Не будет преувеличением сказать, что в этот период шла ликвидация казачества как особой исторически сложившейся социальной и этнокультурной общности и подмены ее более удобными властям формализованным суррогатом. Велась сознательная и планомерная политика по лишению казачества широкой опоры в обществе и недопущению процессов социальной самоорганизации в нем на основе идей "казачьего возрождения". При-

нятие закона 2005 года (лежавшего "под сукном" около восьми лет!) "О государственной службе российского казачества", при подходящих условиях может дать новую жизнь казачьему движению построенному на принципах низовой социальной самоорганизации, помочь гармоничному встраиванию казачества в государственные и административные структуры. Но это только в идеале. Реальность, увы, пока поводов для оптимизма не дает.

Ещё в 1994 году был принят первый "ельцинский" закон о казачестве, направленный на то, чтобы взять под контроль стихийный процесс народного движения за возрождения казачества. А, взяв под контроль — погасить развитие этого процесса, превратить казачье движение в болот-

КАЗАЧЕСТВО И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

то, в фикцию. Что и было сделано. "Ельцинский" закон совершенно не определил функции казачьих организаций, правовая база для казачьего движения определена не была. Не давалось четкого определения понятия "казачество", не фиксировалась его этнокультурная самобытность, отчего затруднялось предоставление каких либо прав и компенсаций предусмотренным законодательством о репрессированных народах.

Начиная с 1995 года, казачье движение оказалось расколото на две группировки: "реестровых" — изъявивших желание служить государству, и "общественников" — сохраняющих независимость от государства. Идти на службу ельцинскому режиму или нет — этот вопрос в тот период стоял очень остро. Но и сейчас этот раскол продолжает существовать, и, судя по всему, он кому-то вполне выгоден. Казачьи структуры "общественников" и "реестровиков" существуют параллельно и дублируют друг друга, а их руководство ведет между собой постоянную "борьбу за приоритеты". В принципе, существование нескольких казачьих организаций вполне логически объяснимо, но при условии взаимоуважения, разделения функций и сотрудничества. Однако как раз стремления к компромиссу и сотрудничеству пока не видно.

Тем не менее, "ельцинский" закон 1994 года дал казачьему движению некоторое госфинансирование и льготы, что позволило многим, удобным властям людям, надев живописные казачьи костюмы с серебряными погонами занять места в новообразованных "казачье-бюрократических" структурах и довольно сносно существовать за счет госкормушки. Само собой, тут же началась разного рода внутренняя борьба за близость к власти и финансам. В середине девяностых было сделано все возможное, чтобы превратить казачье движение в закрытую, малопонятную для общества и подконтрольную властям аморфную организацию.

В то же время, помимо "казачества" в девяностые годы возникло множество разнородных "казачьих" организаций. "Казачью" весу мог использовать кто угодно. Только за это десятилетие в России было зарегистрировано более 700 организаций и объединений причислявших себя к казачеству. Дробление и мелчание казачьего движения, размывание (и так слабоопределенного) понятия "казачество", всячески поощрялось властями. Называться казаками позволялось кому угодно. Все кому не лень, вплоть до откровенных бандитов, могли прикрываться казачьим названием. До сих пор продолжает существовать множество разного рода "контор" под казачьей вывеской, непонятно кем созданных и для чего существующих. Недавно выяснилось, что в Москве подобными организациями даже налажен доходный "бизнес" по продаже казачьих знаков: кто угодно всего за 2-4 тысячи долларов может стать "казачьим генералом". Помимо создания бюрократических механизмов для контроля над стихийно самоорганизующимся казачеством, властями и либеральной прессой так же проводится, по сути, сознательная информационная политика дискредитации, опощления и клоунизации казачества. В общественном сознании насаждался образ казака "нагаечника": примитивного, культурно ограниченного персонажа, чьими неперенными спутниками являются алкоголизм, ксенофобия и агрессия.

Всё это серьезно дискредитировало казачье движение в глазах российского общества. Уже вскоре после начала процесса стихийного возрождения многие (особенно образованная и интеллектуальная часть) из казачьего движения стали уходить. Однако здоровое духовное и культурное ядро в казачьем движении, хотя, подчас, и вытесненное на его периферию, существовало все эти годы. Оно-

то и спасло казачье движение от окончательной деградации и развала. Это ядро — русское офицерство. Подвижники и энтузиасты, отставные и действующие офицеры, казаки по происхождению, искренне болели душами и за казачью идею, сохраняли духовную и интеллектуальную основу казачьего движения.

Но проблема деинтеллектуализации казачьего движения, проблема нахождения общего языка с другими общественными силами России до сих пор остается актуальной. Но все же, несмотря на все негативные моменты, в последние годы наметился новый массовый приток (особенно на Кавказе) людей в казачье движение. Связано это с осознанным и неосознанным ощущением

людьми надвигающейся катастрофы, "последней черты" перед которой стоит Россия. Люди идут в казачество, потому что хотят выжить. Появляется (скорее всего, по тем же причинам) некоторый благожелательный интерес к казачьему движению и традиционной культуре и в центральных интеллектуальных и властных кругах.

В свете кавказского пожара.

Нынешний интерес Кремля к казачеству во многом есть следствие "подобной подземному пожару" ситуации на Кавказе. Когда ситуация в регионе медленно, но верно движется к катастрофе, кремлевская власть наконец вспомнила о казачестве.

В начале 90-х, когда либеральные "младореформаторы" занимались разграблением российской экономики, в Чечне и Ингушетии русское и казачье население изгонялось и физически истреблялось, а из других республик бежало само. Но тогда это никого не волновало, ельцинская власть к воплям казаков о помощи была абсолютно глуха, хотя уже тогда существовал проект переселения уральских казаков из Казахстана на Кавказ и расселения их в терских казачьих станицах. Предусматривалось возвращение Ставропольскому краю казачьих районов на Терек, присоединенных к Чечено-Ингушетии во времена Хрущева. Однако все проекты остались проектами, даже реальной помощи (в лучшем случае — пустой земельный участок) казаки-беженцы не получали.

Нынешний, конечно, во многом декларативный, патриотизм московских властей тоже, по большому счету не идет дальше лозунгов о поддержке казачества. В 2001 году Владимир Путин посетил терскую станицу Екатериноградскую и получил в подарок черкеску, весной 2005 приехал в станицу Вешенскую на торжество, посвященные 100-летию Шолохова, и встретился с реестровыми атаманами. Там выступил атаман Терского казачьего войска Бондарев, чье выступление больше походило на крик боли и отчаяния. Речь терского атамана президент России выслушал молча и опустив глаза. В угоду "международному миру" и "стабильности" центральные власти в очередной раз бросают русское население Кавказа на произвол местных владельцев. Кремль, по-прежнему со странной спокойствием наблюдает за продолжающимся процессом деградации и уничтожения русского населения Кавказа.

У казачества, практически нет перспектив в национальных кавказских республиках, за исключением Осетии. Уже почти не осталось казаков в Дагестане. В Чечне те немногие казаки-"смертники", кто отважился вернуться на свою землю, получают за оторванное и разрушенное жильё компенсацию (притом в три раза меньшую чем вернувшиеся чеченцы) и уезжают снова. Отношение и населения и кадировской власти к ним откровенно злобное. В Ингушетии, где впервые, еще в "перестроечном" СССР, начался организованный и планомерный процесс уничтожения сунженского казачества (в июле 1992 года из станицы Троицкой выехало 500 (пятьсот) семей), их сейчас 3% от "довоенного" уровня, и там им отведена роль "декоративного напыления". Немногим лучше ситуация в других кавказских республиках.

Фактически существует информационная блокада темы "русского Косова" — этнодиагностическая казачества в Чечне и Ингушетии. В правительственных (и, само собой, либеральных) СМИ эту тему затрагивать категорически запрещено. В середине девяностых, в Ставропольском крае, на голом месте, посреднической безводной степи казаки-беженцы копали землянки, и потом строили дома и заново создавали станицы. Но информация об этих событиях, и даже сами названия новых станиц (напри-

мер Новосунженская) — скрывается как самая страшная государственная тайна. Следствием "политики умолчания" явилось лишение сотен тысяч русских людей не только материальной, но и духовной помощи, элементарного сочувствия и сострадания и похоже, что власть это не волнует. А "оппозиционные" властям либеральные "гуманисты-правозащитники", всегда мгновенно слепли и глохли, как только речь заходила о соблюдении "прав человека" в отношении терских казаков.

Информационная и психологическая война против казачества на Кавказе идет вовсю. "Сторожевые собаки Империи", "палачи свободолюбивых горцев" — подобные высказывания обычны и в газетах (особен-

но в "россиизированных" Чечне и Ингушетии) и в университетских аудиториях национальных республик. В общественном сознании народов Кавказа насаждается мысль, что казаки не только не имеют прав на какие-либо исторические территории и культурную автономию, они не имеют права вообще именоваться людьми.

Для ликвидации казачества используются не только прямые методы, такие как физическое уничтожение или изгнание неугодных казачьих лидеров и наиболее активной части казачьего населения. Самый главный и проверенный метод — выхолощивание казачьего движения, постановка в руководство казачьими организациями "удобных" легкоконтролируемых атаманов, задача которых — сдерживать движение "изнутри", не давая ему развиваться. "Карманные" атаманы имеют солидную административную и финансовую поддержку, и их смещение силами казачьих "низов" практически невозможно. Такие же "атаманы", усердно проklinавшие "Империи" при Дудаеве и Масхадове.

Но, надо отметить, что далеко не все атаманы в национальных республиках Кавказа "куплены", среди них есть ещё очень много честных и порядочных людей, ведущих борьбу за интересы русского населения и порой жертвующих ради этого жизнью. Подколзин, Стародубцев, Ложкин, Наумов, похищенный и убитый атаман станицы Зеленчукской в Карачаево-Черкесии (его имя автор статьи так и не смог узнать) — это далеко не полный список казачьих атаманов погибших на Кавказе в последние пятнадцать лет.

Реально и эффективно действующие казачьи общины на Кавказе уже существуют и среди изначально неказачьего населения. К примеру, среди потомков украинских переселенцев. Люди стихийно, когда ситуация становится невыносимой, создают казачьи организации, неподконтрольные властям. На это косо поглядывают "штатно-административные" атаманы, а местные власти, прямо преследуют подобное "неформальное" казачество.

Но, если на Кавказе, включая и Дон, казачество еще имеет хоть какой-то потенциал как реальная общественная сила, и пользуется теперь хоть каким-то вниманием властей, то в других казачьих регионах — Сибири, Урале, Волге, — оно вообще находится на обочине общественной жизни, и его потенциал никем не востребован.

Редким положительным примером сотрудничества власти и казачьих организаций является Ставропольский край. Юго-восток края представляет собой кризисную зону слабоконтролируемую краевыми властями. Туда идет массовый приток жителей Дагестана и Чечни, а русское население из юго-восточных районов бежит. В условиях кризиса руководство края активно и эффективно поддерживает казачье движение. Казачьи общины созданы в большинстве населенных пунктов, они поддерживают общественный порядок, создают свои фермерские и коллективные хозяйства, ведут организационную и просветительскую работу. Сейчас в Ставрополье казачество возглавляемое атаманом ТКВ Василием Петровичем Бондаревым — серьезная, уважаемая и авторитетная общественная сила.

Когда, как в случае со Ставропольским краем, где общая ситуация в крае выходит из-под контроля властей и возрождение казачества требует сама жизнь, низовые интересы казаков и краевой власти совпадают. Однако, если где-то казачье движение оказывается не угодно властям, а люди всё равно реально пытаются организовать свою жизнь — там на них обрушивается вся мощь административно-репрессивной ма-

шины, делается все, чтобы вернуть их в состояние аморфной социально-атомизированной массы.

"Декоративное" казачество существующее зачастую под прямым контролем местных "князьков" служит инструментом для гашения идущей снизу социальной активности и разрушения казачьего движения изнутри. Невозможность смены "административных" атаманов, подлоги, клевета, поощрение внутренней междоусобицы, провокации и убийства — все идет в ход. Есть так же множество примеров прямого использования "казачьего" статуса для создания структур стоящих на страже интересов определенных властных групп.

К примеру, проблему унич-

тоженного в Чечне и Ингушетии терского казачества, пророссийское руководство этих республик решило очень просто. Создано "чеченское казачество", "ингушское казачество" состоящие из представителей "титупных" наций. Уже много случаев когда у убитых боевиков находили удостоверения "чеченских казаков". А в "Союзе казаков Ингушетии" русских казаков состоит всего около ста человек (к 1991 году на территории нынешней Ингушетии проживало, по разным оценкам от 30 до 80 тысяч казаков-сунженцев).

Здесь необходимо отметить, что закон 2005 года "О государственной службе российского казачества" позволяет теперь всем, хоть африканцам, хоть эскимосам, абсолютно легально создавать свои "казачества" и становится "казаками". Вполне возможно, что нормативная база нового закона о казачестве приведет к правовому закреплению различного рода "частных армий" местных северокавказских правителей, к появлению легальных, но слабоконтролируемых военизированных формирований ("эскадронов смерти") из "чеченских", "ингушских", "адыгейских" и иных "казаков". А настоящее этническое самобытное казачество, вместе со всей своей многовековой историей и христианской культурной традицией будет окончательно похоронено.

Перспективы казачества.

Казачество в современной России нужно власть предержащим только в том виде, в каком оно им выгодно, и только в той мере организационности, в какой оно служит их интересам. Выход же за отведенные рамки невозможен. Реальное, а не декоративное возрождение казачества, как широкого социально востребованного движения входит в противоречие с реалиями современной российской административной и правоохранительной системы. Люди с чувством собственного достоинства, способные к самоорганизации, опасны для властей всех уровней. Но и сохранение нынешнего положения вещей есть прямой путь к катастрофе, что уже осознается самой властью.

Особое казачье мироощущение, "казачий дух" не химера и не фикция, все это реально существует, и особая казачья ментальность свойственна довольно широким массам людей. Но все же резкий, принципиальный отличительный между казаками по происхождению и остальным русским народом нет. Увы, но все общероссийские проблемы: пьянство, безработица, отток социально активной молодежи свойственны и казачьим станицам. Нынешнее движение казачьего возрождения основывается на очень зыбком фундаменте — особом мироощущении и мироотношении. Но этот "казачий дух", особая казачья ментальность, носителями которой являются люди старшего поколения постепенно истончается и исчезает.

Казачество в России имеет будущее только как союз низовой общинной территориальной самоорганизации духовно свободных людей. Но при этом неизбежны и полемика, и борьба взглядов. Но эта полемика, как уже не раз бывало, не должна становиться деструктивной и приводить к внутреннему расколу. А преодолеть процессы саморазрушения можно только с помощью государства. Как учит опыт последних пятнадцати лет, всякое "альтернативное" по отношению к "официальному" казачье движение быстро скатывается до уровня полукриминальной "бригады". Реальной консолидации и организации в казачьем движении (как и в обществе в целом) вне государственно-административного контроля нет, и не может быть.

Как бы ни горька была эта истина для некоторых казаков, но она такова: вне государства казачье движение существовать не сможет, и все попытки создать особый "казачий со-

циум" невозможно далее хуторов или станиц, да и только в тех редких местах, где сохраняется живая традиция и "казачий дух". В современной России казакам остается только надеяться, чтобы власть, хотя бы из своих прагматических соображений, будет реально поддерживать казачье движение.

Одна из главных и основных функций реальной господдержки казачества — приведение казачьего движения в нормальное, четкое и прозрачное правовое поле. В этом основа недопущения антиправовых действий, создания в казачьем движении структур для самоконтроля и самоочищения, что опять-таки подразумевает борьбу с "карманным" казачеством, используемым местными элитами в своих, зачастую противозаконных, целях.

Однако пока истинное отношение власти показывает факт, озвученный в 2005 году генералом Геннадием Трошевым. Созданное в 1994 году "Главное управление казачьих войск при президенте Российской Федерации" имело 15 штатных сотрудников. В 2005-ом там было 3 сотрудника. Но и сам "сосланный на должность" "главказака" Трошев, называвший вдохновителя уничтожения русских Ахмада Кадырова своим личным другом, ничем себя кроме жалобных стенаний не проявил.

Казачье движение должно быть прозрачным в правовом и моральном отношении, тогда оно сможет стать катализатором процессов духовного и нравственного возрождения общества и преодоления нравственной катастрофы, вызванной насаждением чуждой России идеологии либерального (и аморального) индивидуализма. Но чтобы эта первая, необходимейшая в современной России, функция смогла заработать, необходимо создание правовых основ для существования казачества (причем во всей России) как движения низовой социальной самоорганизации. Необходимо правовое поле, в котором вообще была бы возможной самоорганизация и успешное — не на бумаге! — функционирование казачьих общин. Прежде чем обеспечивать правовой контроль деятельности казачества, надо эту деятельность обеспечить, сделать в принципе возможной.

Проблемы современной России сейчас слишком глубоки и казачье движение тут может помочь лишь частично. Проблемы казачьего населения и казачьих организаций есть отражение всех глубинных российских проблем. Для возрождения казачества необходимо возрождение особой социально — культурной среды в котором новое казачество сможет существовать.

И тут необходимо сделать главный вывод. Особая выработанная веками казачья ментальность с принципами общности и взаимопомощи, мобилизационности, внутреннего поведенческого кодекса служения высшей идее, (религиозной или государственной), которой с легкостью приносятся в жертву личные интересы — всё это является по сути средневековым, подобным рыцарскому, типом мироотношения, принципиально отличным от либерально-протестантского типа. И казачья ментальность в принципе не совместима с принудительно насаждаемыми в России либеральными мировоззренческими конструктами, где главными ценностями провозглашаются индивидуализм, аморальный прагматизм, примитивный, основанный на "высшей сверхценности" — деньгах, гедонизм. Поэтому, органическая ненависть российских либералов к казачеству имеет вполне понятные причины.

Если удастся оставить в стороне этнический, культурный и военные аспекты, то казачество как социальная общность, отнюдь не является общественным архизмом, у него есть будущее и не только в рамках собственно казачьих регионов. Именно на основе традиционного казачества возможно создание новых форм социальной общности своеобразного "православного социализма", когда духовно-религиозная жизнь вокруг церковного прихода может сочетаться с традициями самоуправления на основе низовой социальной самоорганизации. Однако реальное возрождение (а вернее создание заново) нового казачества возможно только при условии переосмысления современного состояния России и российского общества, создания хоть каких-то реально служащих общественной консолидации духовных и социальных институтов.

Р.С. Эта статья была написана еще до убийства в Новоалександровске казачьего атамана Андрея Ханна. Это убийство в очередной раз привлекло общественное внимание к казачеству, но волна народного возмущения этим преступлением, а так же жесткая и истеричная реакция власти показала: казачество рано списывать со счетов.

Юрий СОШИН